

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.21>

Хужахметов Айнур Оскарович, Гиндуллина Раушания Айдаровна

СВОЕОБРАЗИЕ ЭВОЛЮЦИИ ЛИРИКИ МУСТАЯ КАРИМА

Статья посвящена осмыслению эволюции лирики М. Карима. Путь от произведений, созданных в юном возрасте - в рамках социалистического реализма, - до зрелого творчества, проникнутого романтизмом и философской глубиной, показывает формирование поэтического мышления. Образы, символика, рожденные в военную эпоху, продолжают свое развитие и в послевоенной поэзии и прозе автора. Раскрывается связь между мировоззренческими постулатами раннего и позднего Мустая Карима. Сохранение чувственности и любви как основных смысловых платформ его произведений, свое видение интернациональной проблематики выводят творчество поэта на наднациональный уровень мировой культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/11/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 94-98. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

11. Петрова С. М. По раздольному белому насту // Эвенская литература / сост. Вяч. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2005. С. 178-191.
12. Петрова Т. А. Экология культуры эвенов в поэзии, прозе и публицистике Андрея Кривошапкина // Реальность этноса: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. С. 401-403.
13. Попова У. Г. О пережитках культа медведя (уркачак) среди эвенов Магаданской области // Труды Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения Академии наук СССР. М.: Наука, 1967. Вып. 17. С. 174-181.
14. Преловский А. Послесловие // Кривошапкин А. Мир эвена. М.: Палей-Мишин, 2000. С. 50-53.
15. Тобуроков Н. Н. Андрей Кривошапкин. Очерк жизни и творчества. Якутск: Северовед, 1999. 69 с.
16. Хайрюзов В. Мой северный друг Андрей Кривошапкин // Кривошапкин А. Охотник Тормита. Якутск: Бичик, 2007. С. 3-9.
17. Христофорова О. Б. Логика толкований. Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах. М.: Изд-во РГГУ, 1998. 80 с.
18. Шпет Г. Г. Герменевтика и её проблемы // Контекст: литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1989. С. 230-267.
19. Эвенская литература: сборник. М.: Литературная Россия, 2005. 381 с.
20. Эвенская сказка [Электронный ресурс]. URL: <https://skazkufentazu.ru/skazki-narodov-severa/nachodchiviy-strelok-evenskaya-skazka.html> (дата обращения: 12.02.2019).
21. Hirsch E. D. The Aims of Interpretation. Chicago: University of Chicago Press, 1976. 177 p.
22. Hirsch E. D. Validity in Interpretation. New Haven: Yale University Press, 1974. 287 p.
23. Palmer R. Hermeneutics. Interpretation Theory in Schleiermacher, Dilthey, Heidegger and Gadamer. Illinois: North Western University Press, 1969. 156 p.

**SPIRITUAL AND EVERYDAY CULTURE OF THE YAKUTIA EVENS
IN A. KRIVOSHAPKIN'S NOVEL "HUNTER TORMITA":
ATTEMPT OF HERMENEUTIC INTERPRETATION**

Khazankovich Yuliya Gennad'evna, Doctor in Philology, Associate Professor
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk
khazankovich33@mail.ru

The narrative in stories "Hunter Tormita" by Andrey Krivoshapkin, a vivid representative of the modern Evenk prose, has not been previously subjected to literary and critical analysis. For the first time, relying on rich artistic material, the paper examines such a non-verbal phenomenon as the Evens' spiritual and everyday culture. Using the hermeneutic approach, the researcher identifies the ethno-esthetical context of the Evens' cultural realia, reveals certain aspects of their pagan worldview, ascertains thematic similarity of the story with Krivoshapkin's earlier work – the ethnographical poem "The Even's World" – and concludes that the nomadic hunting lifestyle is a basis of the Even spiritual and everyday culture, a foundation of Tormita's character and behaviour.

Key words and phrases: novel in stories; Even literature; hermeneutics; Andrey Krivoshapkin; Even narrative; everyday culture.

УДК 821.512.141

Дата поступления рукописи: 06.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.21>

Статья посвящена осмыслению эволюции лирики М. Карима. Путь от произведений, созданных в юном возрасте – в рамках социалистического реализма, – до зрелого творчества, проникнутого романтизмом и философской глубиной, показывает формирование поэтического мышления. Образы, символика, рожденные в военную эпоху, продолжают свое развитие и в послевоенной поэзии и прозе автора. Раскрывается связь между мировоззренческими постулатами раннего и позднего Мустая Карима. Сохранение чувственности и любви как основных смысловых платформ его произведений, свое видение интернациональной проблематики выводят творчество поэта на наднациональный уровень мировой культуры.

Ключевые слова и фразы: М. Карим; лирика; эволюция; проза; фольклор; мифопоэтика; сюжет; персонаж.

Хужахметов Айнур Оскарович, к. филол. н.
Гиндуллина Раушания Айдаровна
Башкирский государственный университет, г. Уфа
khuzha@mail.ru; raush2810@mail.ru

СВОЕОБРАЗИЕ ЭВОЛЮЦИИ ЛИРИКИ МУСТАЯ КАРИМА

В связи с размахом празднования 100-летия народного поэта Башкортостана Мустая Карима вновь проявился отчетливый интерес к его личности и творчеству. Возник вопрос о необходимости интерпретации лирических произведений с точки зрения не столько структуры или строфики и содержательной основы, но в области развития тематики и отображения лирических героев, что и определило **актуальность** настоящего исследования. **Научная новизна** настоящей статьи определяется тем, что впервые осмысливается эволюция лирики М. Карима. **Целью** исследования становится осмысление художественного своеобразия лирики поэта. Осмысление ключевых произведений поэта, формирование в создаваемом художественном пространстве образности и смысла,

рассмотрение характерных мустаевскому тексту мотивационной линии, пути «перекочевки» лирических образов, отдельных мифопоэтических и идеологических маркеров в прозаические произведения – все это предопределило задачи нашего герменевтического исследования. Ключевыми методами нашей работы стали сравнительно-типологический, герменевтический, а также метод целостного анализа литературного произведения.

Поэзию Мустая Карима можно рассматривать как поэтапно прогрессирующую, наполняемую современными конструкциями и образами, более философским смыслом. «Творчество народного поэта Башкортостана Мустая Карима стало духовным достоянием и национальной гордостью республики. Лучшие образцы поэзии, прозы и драматургии писателя вошли в золотой фонд башкирской литературы, его творчество оказывало и продолжает оказывать влияние на развитие всей многонациональной литературы страны» [3, с. 469].

Произведения раннего Карима середины и конца 30-х гг. XX века – это полные комсомольского задора стихотворения, посвященные любви («Незнакомый гость»), празднику урожая («Колхозная застольная»), восхищению весенней порой («Весенние голоса»).

«Может, звуки этой песни
И не в первый раз слышны,
Но пускай они вольются
В ораторию весны!
<...>
Облаков сквозные крылья,
Тёплый дождь, летящий вниз,
Как люблю я майский воздух,
Всех пьянящий, как кумыс!» [4].

«Бишбармак», «кумыс», «гусь в масле», «мед молодой», удалой пляс, «оратория весны» и другие создают каркас поэтических символов сборников «Отряд тронулся» и «Весенние голоса». Мустай Карим восхваляет коллектив, ведь, по его убеждению, лишь коллективный труд пятилеток поднимает страну на новую высоту. Эпоха пятилеток ставит перед молодыми поэтами задачу духовно поддержать усилия советского народа выйти на новые уровни развития, достичь высот в сельском хозяйстве и промышленности. Одним из таких идеологически подкованных поэтов был и Мустафа Сафич Каримов.

Но по-настоящему его талант раскрывается в годы Великой Отечественной войны. В поэзии Мустая были найдены новые образы и мотивы, свершились открытия. В его стихах, окутанных патриотическим пафосом, на последний план стали отходить трудности жизни, на передний план выходит верный защитник, честный сын Отечества.

Перед отъездом на передовую поэт пишет стихотворение «Я ухожу на фронт» в форме клятвы.

«Я ухожу, товарищи, на фронт.
Чтоб стариков текла спокойно старость,
Чтоб нашим девушкам краса осталась,
Чтоб наш Урал всегда стоял могучий,
Чтобы над Белой не сгущались тучи.
Товарищи, я ухожу на фронт
За ту весну, что навсегда настанет,
За светлый сад, которым край наш станет,
За маленького сына моего
И родины любимой торжество» [5, с. 13].

Сначала идет благословение от отца с матерью: отец приводит ему коня, а мать дает клинок деда. Действие лирического героя автор подает как месть за павших. Он отомстит врагам, сокрушит их, только так можно сохранить Урал, защитить родных и близких, народ.

Как отмечает Дм. Быков, «Сталин любил фольклор, интересовался им, придавал ему огромное и не случайное значение: он вообще любил архаику, опирался на нее, видел в ней, если угодно, легитимацию собственного правления. Парадокс, но одним из немногих путей легально выжить при нем было именно выдать себя за народ, создать фольклор или перевести его» [2].

Фольклоризация башкирской литературы, внесение в текст эпических, сказочных элементов становится устойчивым явлением. Эта тенденция идет уже с 30-х годов XX века, когда дана была установка стилизовать фольклор под новые, советские реалии. Персонажи в произведениях советских авторов обретают силу, ум и другие качества, присущие раньше лишь мифологическим образам, героям эпосов. Конь и меч являются теми элементами, которые вводят читателя в мир мифологии. Правильнее сказать, через мифологические детали автор привносит читателя в художественный мир сказки, где добро всегда побеждает зло, справедливость торжествует, и в конце всегда – хэппи-энд.

В стихотворении «Трубка» уже нет той радужности, той легкости, присущей стиху «Я ухожу на фронт». Так же от девушки как память дается лирическому герою трубка, которую он впоследствии теряет во время жестокого боя. Война здесь предстает глазами не юноши – мечтателя и романтика, а увидевшего и прочувствовавшего тяжелые фронтовые будни солдата, с помощью трубки вспоминающего о родном доме, о своей любимой.

Фольклорными мотивами изобилуют стихотворения «Звезды на земле», «Мой конь», «Исток» и др. Кстати, в стихотворении «Исток» автор объясняет на языке поэзии, откуда берет начало богатый фольклорный колорит, национальный оттенок в его творчестве.

Особенно уникальна в данном контексте поэма «Ульмасбай». Произведение полностью – на жанровом, стилевом, композиционном, сюжетном и хронотопном поле – построено на фольклорной парадигме. «М. Карим творчески использует в ней традиционные поэтические приемы и свойственные фольклору принципы типизации» [3, с. 473-474]. Возможно даже исполнение данной поэмы под аккомпанемент народного музыкального инструмента.

Герой эпопеи, Ульмасбай – персонаж, схожий с Василием Теркиным из одноименного произведения А. Твардовского. Оба бессмертны, находчивы и смелы, им повсеместно сопутствует удача или везение, при этом хладнокровие героев приукрашивает юмор. Однако Ульмасбай и его друг Теребай являются героями из башкирской сказочной традиции, объединившими в себе качества Алдара, Ерэнсэ, Камыр-батыра и др. Рассказчиками являются сам Ульмасбай и автор, а также вкрапливается речь слушателей.

Композиционно поэма делится на несколько сюжетных линий, связанных между собой и раскрывающих образ башкирских разведчиков. Первый сюжет можно условно назвать «Взятие “языка”», в котором Ульмасбай увлекательно рассказывает, как один пошел навстречу врагу, чтобы пленить и вывезти к своим за линию фронта фашистского офицера.

Второй сюжет называется «Свадьба». Здесь уже главному герою приходит на помощь его друг Теребай. Двоем они совершают рейд по тылам противника и нарываются на немецкую свадьбу в белорусской деревне. Рассказ Ульмасбая веселый, хотя сама ситуация патовая и напряженная, силы слишком не равны. Все показывается так, что все персонажи участвуют в мирной интернациональной свадьбе, а два башкира – это сватья. Но вместо сватьев фашисты получают в гости двух храбрых разведчиков со взрывчаткой в качестве гостинца. В этом, как шутит автор, и состоит традиция башкирского туя.

Третий сюжет именуется «На рыбалке». Два героя, узнав, что три немецких солдата купаются на речке, быстро соображают, как унижить захватчиков перед населением. Это очень важный шаг, так как смех над униженным врагом помогает ликвидировать страх, сковывающий тело.

Небольшая поэма военных лет Мустая Карима «Ответное письмо башкирскому народу» создана как народное башкирское сказание. В поэме переплетаются потоки башкирской разговорной стихии, жанровые и изобразительные особенности фольклорных произведений, татаро-башкирские эпистолярные традиции. Особенностью произведения также является и афористичность, меткая лапидарность характеристики, идущая от пословиц и поговорок.

Примечательно стихотворение «Три мертвеца». Произведение поражает смысловой глубиной. Вода с древних времен подразумевалась как элемент, разделяющий миры живых и мертвых. И второй момент, когда тела своих сторонников, по поверью, предки пускали на лодке и сжигали посередине водной глади. И это считалось отправлением высочайшего ритуала, освобождающего душу от брэнного тела. Как раз намек на благостный огонь летнего рассвета встречается в начале произведения. Чего, конечно, не хотят сотворить с телами врагов, так как народ желает, чтобы души захватчиков мучились, как и тела. Они – солдаты тьмы – и должны уйти в ту крошечную темноту, откуда пришли. Им вслед летят лишь слова гнева и проклятия, сопровождающие тишина и безразличие.

В произведении обыгрывается сакральность цифры «три». Эта цифра уводит к осмыслению мировоззрения башкирского народа, что мир триедин, состоит из верхнего (неба), среднего (земля) и подземного (обиталища демонов). Как раз воротами в подземный мир считалась вода: река, озеро, море. К примеру, герой эпоса «Акбузат» Хаубан проникает в царство демонов на дне озера, и правит там Шульган. Рано или поздно солдаты тьмы попадут в мир теней, исчезнут, будут вычеркнуты из памяти человечества. Поэтому три тела безмянны и являют собой обобщенный образ врага.

«Идут, идут в последний путь
Солдаты тьмы.
Назад уже не повернуть
Средь тишины.
Им вслед проклятия летят,
Летят вослед,
А люди даже не глядят –
Как будто лодки нет...» [10, с. 7].

Стихотворение «Дождь», написанное в 1943 году, разделяет судьбу лирического героя на две части-антипода: мальчишки, бегающего под летним дождем, и воина-фронтовика, стоящего на страже. Перед нами монтажная композиция: две ипостаси одной личности – в мире и войне, переданные через деталь летнего дождя. Мальчик – образ мирного времени, во время которого капли с неба – необходимое, долгожданное для всей природы благодатное явление. А воину при полной амуниции в тягость стоять под дождем. Лишь тоска по сыну возвращает его думами в собственное детство, и солдат принимает душой небесный поток.

«...Ему показалось: от струй дождя
На Белой волна дрожит,
А сын Ильгиз, как в детстве отец,
Сквозь дождь босиком бежит.
“Дома побыть бы! – подумал он.
А дождь по брустверу бьет.
Мокрой шинелью накрылся солдат: –
К лучшему! Пусть идет”» [5, с. 22].

Это стихотворение автобиографично: упоминается сын Ильгиз, и, по нашему мнению, является предтечей венца творения Мустая Карима – произведения «Долгое-долгое детство». Как раз сюжетной основой повести станет создание панорамы развития личности, с сознательного детства до зрелости, с мальчика, который лишь познает окружающий мир, учится различать хорошее и плохое, до прошедшего поля самой беспощадной и кровопролитной войны воина, чьи взгляды сформированы и ясны.

Еще одно произведение, написанное в 1945 году, отличается своей лиричностью и глубиной мысли. Это – «Цветы на камне». Оно больше объясняет отношение лирического героя к любимой, чем повествует об удивительном явлении в природе. Метафоричность образа цветов, расцветающих наперекор перипетиям судьбы, в полной мере обозначает расцвет жизни и зрелость чувств солдата. Ведь, несмотря на то, что его «сердце впрямь окаменело», «цветами на камне расцветает».

Еще один момент, вызывающий интерес в творчестве М. Карима, – это его трепетные чувства к вопросу интернационализма, дружбы между представителями различных национальностей, к нему поэт в своем творчестве будет возвращаться не раз. Дружба с древних времен считается одной из важнейших социально-нравственных ценностей, обозначающих не только индивидуальные, межличностные, но и отношения социального характера. Основными линиями развития дружбы являются быть опорой близким, верным другом, гражданином, равнодушным к страданиям и горести народов, населяющих большую Родину [11, с. 93].

В лирике поэта военной поры эта тематика наиболее ярко передана в произведениях «Русская девочка» (1942) и «Украине» (1943). Выбранный образ девочки/девушки, чье спасение от рук фашистов и защита – дело чести любого гражданина страны, способствует ощущению единства наций не только на культурном уровне, а на более глубокой ментальной плоскости. Нежный образ гиперболизируется, становится олицетворением страны, символом, зовущим к победе над злыми силами, во имя светлого и цветущего будущего:

«Была душой России та девчушка,
Цветком, что никогда не отцветет.
Ее улыбка – днем была грядущим,
Который к нам через Берлин придет» («Русская девочка») [8, с. 14].

«Довольно слез! Меня послал Урал,
Чтоб ты утерла слезы, Катерина.
Я под Уфою землю целовал,
Чтоб ты цвела, как прежде, Украина!» («Украине») [Там же, с. 20].

Впоследствии колоритный образ девочки-украинки Оксаны появится в сюжетной матрице повести «Радость нашего дома». Она привносит в башкирскую семью новый смысл бытия, превращая дом Ямиля, деревню, где они живут, в миниатюрную модель всей страны, борющейся, благодаря сплоченности народов, за освобождение целого мира от фашизма. Страна становится единой семьей, дарящей для каждого из ее членов уют очага и тепло родительской любви. Данный мотив звучит в конце повести: «Папа о чем-то думает, нотом, ни на кого не глядя, произнес: – Не надо так говорить, Кюнбике. Дочь наша навсегда останется радостью нашего дома. Теперь не только у Оксаны, но у всех нас будет два гнезда. На своей земле Петро построит новый, просторный дом. Он сильный человек. И нам теперь навеки суждено делить с ними пополам и радость и печаль. Будем ездить друг к другу в гости, а если нужно, то и помогать будем» [7].

Затем эта же тематическая линия вновь станет основополагающей в повести «Помилование», гениальная обрисовка любви между украинцем Любомиром Зухом и испанкой Марии Терезы сквозь призму башкирской мифопоэтики [1], в которой это логическое продолжение интернациональной философской парадигмы: «И в эту самую благоразумную пору неразумные Любомир Зух и Мария Тереза Бережная полюбили друг друга. И той же ночью, тридцать первого августа, родился тоненький месяц, всплыл и лег на бочок. Лег и, покачиваясь, поплыл сквозь зыбкие облака. Куда он, малыш, – куда отправился по этой глухой бескрайней вселенной? Заблудится, пропадет...» [6].

Любовь как абсолют, чувство, перебарывающее все невзгоды, как особая смысловая платформа, сформированная в мировоззрении поэта в военную пору, получает дальнейшее развитие, эволюционирует в послевоенной лирике.

К примеру, стихотворение «Сказанное духом птиц», имеющее оригинальную композицию – строфоиды – чередование различных видов стрóf: трёх дистихов (аа) с терцетом (ааа) и катреном (аабб). Тем самым создаётся своеобразная ритмико-интонационная структура стиха, начало которого спокойно, к середине усиливаются темпы, и к концу выдаётся развязка. По стилю близко к хамаку – башкирскому стилю исполнения байтов, сенляу, заговоров, закличек, считалок, также отдельных стихотворных частей эпосов, сказок, легенд.

Произведение основано на аллегории и олицетворении. Высказывание духа – это его непререкаемый царский «фарман». Хвалясь своими фантастическими делами, регулирующими жизнь птиц, он не забывает о наказании, грозясь направить человеческие руки с оружием – луком и стрелой на подданного – непослушного коршуна. Автором проводится идея, что дух управляет не только птицами, но и имеет влияние на мир людей, в целом олицетворяя собой природу.

Стихотворение «Сколько лет пролетело, как ты безраздельно вошла...», состоящее из двух стрóf, поэт посвятил супруге – Раузе. Произведение в смысловом, структурном и семиотическом плане состоит из трех частей. Истоки художественного образа – сердца, символа искреннего чувства, «самосовершенствования зерцала» ведут к суфийским постулатам и лирике. По традиции суфизма истинная любовь соединяет двух влюблённых в единое целое. Женщина, покорившая душу поэта, – тайна, оставшаяся непознанной и безраздельно

вошедшая в его сердце – обиталище Любви. Из мифологии ясно, что люди, соединенные любовными чарами, чувствуют друг друга через большие расстояния. Автор, рассказав вначале о спутнице жизни в романтической повествовательной форме, вводит элемент неожиданности – интуиции, которая возникает вследствие внезапной острой боли: «И – вдруг прошлою ночью нежданная / боль обожгла / Моё сердце. / Что случилось? Не горе ль какое схватило / тебя / Так, что некуда деться?..» [8].

В завершении идет развязка – с помощью приема сравнения автор показывает силу и глубину своих чувств к супруге – к нему приходит ощущение страха смерти лишь с мыслью, что смерть может разлучить его с любимой женщиной.

Стихотворение «Слишком долгим было расставанье...», состоящее из трёх четверостиший, создано после возвращения из поездки во Вьетнам в ноябре-декабре 1955 года. Оно построено на гиперболизации пространства, времени, отношений лирического героя и его возлюбленной, что помогает ярче отразить горечь долгой разлуки и силу любви. Для усиления гиперболического эффекта применяются сравнения: «Сухой листок ты. И я тебя / Огнём дыханья опалил / Ты – жаждой истощённая земляца, которую / Ливнем сильным напоил» [9]. Лирический герой просит от возлюбленной терпения и не брать в обиду вынужденную разлуку.

Таким образом, в своей лирике башкирский поэт Мустай Карим остается верен мифопоэтической смысловой платформе. Любовная и философская тематики соединяются и эволюционируют из произведения в произведение, выходя за рамки поэзии и выражаясь также в других жанровых ипостасях, присущих творчеству выдающегося литератора и мыслителя. Здесь, конечно, речь идет о повестях «Радость нашего дома», «Помилование» и произведении «Долгое-долгое детство». Безусловно, в творчестве Мустая Карима коммунистические идеи, вера в светлое будущее, справедливость, равенство и братство народов остаются неизблемыми. Но они подаются читателю через знакомые всем фольклорную символику, маркеры и метафорические узоры, мустаевскому тексту присущ своеобразный народный пафос. Автор гиперболизирует пространство, наполняя его романтическим духом бытия, высоким уровнем эмоционально-психологического фона. К примеру, интернациональную дружбу советских народов поэт возводит до уровня единой семьи. В образе маленькой девочки-украинки Оксаны предстает вся опаленная войной, израненная Украина, которую приютил как свою родную сестру брат – Башкортостан. По его мнению, лишь уют и сердечная теплота общего для всей советской большой семьи дома помогли победить, а затем и вылечить нанесенные раны.

Поэтому о специфике процесса эволюции лирики Мустая Карима можно сказать, что основные ее мировоззренческие постулаты были сформированы уже во время войны и в первое десятилетие послевоенной поры. Тематика войны, интернационализма, мотивы любви, вращенной и расцветшей в самых неподходящих для нее условиях, предательства, остаются для творчества Мустая классическими, определившими смысловые грани его произведений.

Список источников

1. **Абдуллина А. Ш.** Мифопоэтика в повести «Помилование» М. Карима // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22 (160). С. 5-9.
2. **Быков Д.** Павел Бажов [Электронный ресурс] // Дилетант. 2017. № 1. URL: <https://ru-bykov.livejournal.com/2761148.html> (дата обращения: 05.10.2019).
3. **История башкирской литературы:** в 4-х т. / под ред. С. М. Хусаинова, М. Х. Надергулова, Г. Х. Абдрафиковой. Уфа: Китап, 2015. Т. 3. Литература советского периода (конец 50-х – начало 90-х гг. XX в.). 696 с.
4. **Карим М.** Весенние голоса [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stihi.ru/2019/03/15/1263> (дата обращения: 05.10.2019).
5. **Карим М.** Время – конь крылатый. М.: Современник, 1972. 328 с.
6. **Карим М.** Помилование [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=60698&p=1> (дата обращения: 05.10.2019).
7. **Карим М.** Радость нашего дома [Электронный ресурс] // Литмир: электронная библиотека. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=58316&p=1> (дата обращения: 05.10.2019).
8. **Карим М.** Реки разговаривают. Стихи и поэмы. М.: Современник, 1964. 160 с.
9. **Карим М.** Собрание сочинений: в 3-х т. Уфа: Китап, 2009. Т. 1. 512 с.
10. **Карим М.** Три мертвеца // Истоки. 2014. № 41 (913).
11. **Хужахметова Г. Н.** Мировоззрение Мустая Карима // Ватандаш. 2014. № 10 (217). С. 86-93.

ORIGINALITY OF MUSTAI KARIM'S LYRICS EVOLUTION

Khuzhakhmetov Ainur Oskarovich, Ph. D. in Philology
Gindullina Raushaniya Aidarovna
Bashkir State University, Ufa
khuzha@mail.ru; raush2810@mail.ru

The article analyses the evolution of Mustai Karim's lyrics from early works created within the framework of socialist realism to late works filled with romanticism and philosophical deepness, shows the formation of poetic thinking. The images and symbols formed in the war period continue to develop in Karim's post-war poetry and prose. Interrelation of his early and late ideological conceptions is revealed. The repeating theme of love and sensuality as a leitmotiv of his poetry, his own vision of inter-ethnic problems – these observations lead to the conclusion that the poet's creative work acquired global cultural value.

Key words and phrases: M. Karim; lyrics; evolution; prose; folklore; mytho-poetics; plot; personage.